

Научно-теоретическая статья

УДК 1(091)

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-258-138-150

ОСНОВНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ ИБН ЗАФАРА АС-СИКИЛЛИ: АНАЛИЗ ТРАКТАТА «СУЛВАН АЛЬ-МУТА'»

Азизджон Набиджонович Акрамов

Московский педагогический государственный университет,

Москва, Россия,

geology.99.msu@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-2807-5364>

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых философских идей, изложенных Ибн Зафаром ас-Сикилли в его трактате «Сулван аль-мута' фи 'удван аль-атба'» («Утешение правителей при вражде подданных»). Рассматриваются пять основных добродетелей, или утешений (сулван), которые автор предлагает в качестве фундаментальных принципов для эффективного и справедливого государственного управления: тафвид (вверение дел Богу), тасья или ан-наси (утешение через уподобление), сабр (терпение), ар-рида (довольство) и зухд (аскетизм). Анализируется, как Ибн Зафар, используя коранические аяты, пророческие хадисы, афоризмы и обширные нарративные иллюстрации из персидской, арабской и греческой истории, трансформирует эти добродетели из религиозно-этических концептов в прагматичные инструменты политической философии.

Ключевые слова: Ибн Зафар, Сулван аль-мута', исламская философия, политическая философия, этика управления, тафвид, тасья, сабр, ар-рида, зухд

Для цитирования: Акрамов А. Н. Основные философские идеи Ибн Зафара ас-Сикилли: анализ трактата «Сулван аль-мута'» // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2026. № 2 (58). С. 138–150. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-258-138-150>

Scientific and theoretical article

UDC 1(091)

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-258-138-150

THE MAIN PHILOSOPHICAL IDEAS OF IBN ZAFAR AL-SIQILLI: AN ANALYSIS OF “SULWAN AL-MUTA”

Azizdzhon N. Akramov

Moscow Pedagogical State University,

Moscow, Russia,

geology.99.msu@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-2807-5364>

Abstract. This article analyzes the key philosophical ideas expounded by Ibn Zafar al-Siqilli in “Sulwan al-muta’ fi ‘udwan al-atba’” (“The Consolation of Rulers in the Hostility of Subjects”). It examines five main virtues, or consolations (sulwan), which the author proposes as fundamental principles for effective and just governance: tafwid (entrusting affairs to God), tasya or an-nasi (consolation through emulation), sabr (patience), al-rida (contentment), and zuhd (asceticism). The article analyzes how Ibn Zafar, drawing upon Qur’anic verses, prophetic hadiths, aphorisms, and extensive narrative illustrations from Persian, Arabic, and Greek history, transforms these virtues from religio-ethical concepts into pragmatic tools of political philosophy.

Keywords: Ibn Zafar, Sulwan al-muta’, Islamic philosophy, political philosophy, ethics of governance, tafwid, tasya, sabr, al-rida, zuhd

For citation: Akramov, A. N. (2026). The main philosophical ideas of Ibn Zafar al-Siqilli: an analysis of “Sulwan al-muta’”. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (2 (58)), 138–150. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-258-138-150>

Введение

Ибн Зафар ас Сикилли (1104–1170 или 1172), выдающийся арабский мыслитель и государственный деятель Сицилии, оставил значительный след в истории исламской политической философии своим трактатом «Сулван аль-мута’ фи ‘удван аль-атба’» («Утешение правителей при вражде подданных»). Это произведение, также известное как «ас-Сулванат фи мусамарат аль-хуляфа’ ва ас-садат», было первоначально написано в Сирии, а затем переработано в Сицилии. Оно относится к жанру «зеркал для правителей» (адаб аль-мулюк) и выходит за рамки простого сборника советов, представляя собой глубокое философское осмысление природы власти, этики управления и психологических качеств, необходимых для лидера в условиях политической нестабильности и внутренних конфликтов [Bellino, 2025, p. 63].

Ибн Зафар, родившийся на Сицилии в 497 году хиджры (1104 г.), но имевший, возможно, мекканское происхождение по отцу [Bellino, 2025, p. 64], провел свою юность в поисках знаний, путешествуя по Мекке, Египту и Иффрикии (Махдии), прежде чем обосноваться на Сицилии [Sekkakou, Maaziz, Sekkakou, 2025, p. 2]. Его жизнь была полна испытаний, включая бедность и политические потрясения, такие как нормандское завоевание Махдии в 1148 г. и внутренние конфликты между шиитами и суннитами в Алеппо, что постоянно вынуждало его менять место жительства. Он умер в Хаме (Сирия) между 1169 и 1172 гг. [Bellino, 2025, p. 2; Sekkakou, Maaziz, Sekkakou, 2025, p. 63]. Несмотря на все трудности, он был высокообразованным ученым, грамматиком, экзегетом и маликитским юристом, удостоенным почетных титулов «Худжа тад-Дин» (доказательство веры) [Ibn Khallikan, 1871, p. 104].

Следует добавить, что фундаментальный труд Ибн Зафара до сих пор не переведен на русский язык и остается малоизученным в отечественной философской традиции. Научная новизна данной статьи заключается в том, что впервые в русскоязычном дискурсе осуществляется подробный анализ эвристического переноса Ибн Зафаром религиозно-этических идей исламской теологии в сферу политического лидерства.

Следовательно, в контексте работы мыслителя традиционные концепты (тафвид, тасья, сабр, ар-рида и зухд) приобретают оригинальный смысл и трансформируются в конкретные, прагматичные инструменты политического управления, требующие пристального внимания.

Целью данной статьи является всесторонний анализ основных философских идей Ибн Зафара, представленных в пяти главах «Сулван аль-мута'», каждая из которых посвящена одной из ключевых добродетелей. В рамках этого анализа будут рассмотрены определения, обоснования и иллюстрации данных концептов, предложенные автором, а также выявлены их глубокие философские импликации для государственного управления, что подчеркивает актуальность его идей для понимания этики лидерства.

Тафвид (вверение): эпистемическая скромность и стратегическая выдержка

Первая глава трактата Ибн Зафара вводит концепт тафвида (вверения дел Богу) как основополагающей добродетели для правителя. Концепт тафвида исходит из признания ограниченности человеческого познания и контроля. Человек, по Ибн Зафару, не способен предвидеть все последствия поступков и часто заблуждается в оценке добра и зла. Введение в тему тафвида начинается с цитирования аята: «И может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло, — поистине, Аллах знает, а вы не знаете! [Коран, 2:213]. Этот аят служит эпиграфом, устанавливая ключевую идею: человеческое восприятие блага и зла субъективно и ограничено.

Тафвид в трактовке Ибн Зафара — это не пассивное смирение или фатализм, а активная позиция разумного субъекта, признающего существование высшего порядка и мудрости, превосходящей человеческую. Это философское принятие того, что не все события поддаются контролю и что иногда лучше отпустить желание контролировать, доверившись более масштабному течению событий. Правитель, практикующий тафвид, освобождает свой разум от чрезмерного бремени планирования и прогнозирования, которое часто приводит к тревогам и ошибочным решениям [Ибн Зафар, 1959, с. 3]. Он представляет тафвид как подчинение указам Бога, но акцентирует внимание на том, что это не означает пассивную сдачу, а скорее вверение своих дел Богу.

Для демонстрации принципа тафвида Ибн Зафар использует ряд нарративов. История верующего из семьи фараона иллюстрирует этический выбор перед лицом тирании. Верующий, призывая фараона к эпистемической скромности, говорит: «Вы вспомните то, что я говорю вам; я предаю свое дело Аллаху; поистине, Аллах видит рабов!» [Коран, 40:47]. Этот пример показывает, что тафвид — это не признак слабости, а проявление высшей силы духа и мудрости, позволяющей сохранять внутреннюю целостность перед лицом опасности.

В этом контексте Ибн Зафар также использует звериную басню о змее, захватившей нору лиса по имени Залим (что означает «угнетатель»). Залим, который довольствовался своей норой, нашел ее занятой змеей. После неудачной попытки вернуть ее он нашел убежище у другого лиса по имени Муфаввид (что означает «делегатор, доверяющий»), который предложил ему помощь. Однако Залим, вместо того чтобы принять помощь, обманул Муфаввида, чтобы занять его удобную нору, и даже замыслил его убить. История заканчивается тем, что Залим сгорел в норе Муфаввида, в то время как змея выжила. Эта басня символизирует политическую интригу и предательство, намекая на исторические фигуры, такие как Абд аль-Малик ибн Марван и его соперник Амр ибн Саид, где змея символизирует того, кто захватывает чужое, а Залим — того, кто обманывает [Alkolaly, Vara, Zeid, 2024, p. 12221–12223].

Тасья (утешение через уподобление): эмоциональная устойчивость и стратегическое мышление

В рамках второй главы рассматривается концепт тасья, или ан-наси. Следует подчеркнуть, что данный принцип учит правителя быть спокойным. Другими словами, это искусство врачевать душевные раны силой воли.

Следует отметить, что афоризмы, такие как «Тасья — это слава страдающих, сунна благородных и степень терпеливых», возводят тасью в ранг высшей добродетели. Пророческие хадисы, призывающие: «Смотрите на того, кто ниже вас [материально], и не смотрите на того, кто выше [вас материально], потому что это наилучшее [средство для того], чтобы вы не относились к милости Аллаха [оказанной вам] пренебрежительно» [Ибн Шараф ан-Навави,

2022, с. 105], служат основой для практической этики тасъи. Это позволяет правителю ценить имеющиеся блага, избегать зависти и гордыни в благополучии, а также уменьшать ощущение собственного страдания в испытаниях, способствуя стойкости и поиску решений [Ибн Зафар, 1959, с. 24–27].

Центральным элементом главы является аллегорическая история о персидском царе Шапуре II, который, вопреки предостережениям визиря, лично отправился в разведку во владения врага (Кайсара). Там он был схвачен, и Кайсар распорядился сделать из семи слоев бычьих кож огромное чучело коровы с дверцей на спине. Внутри этого чучела заключили Шапура, сковав ему руки и шею цепью. Тогда мудрый визирь Шапура под видом врача-отшельника проник в стан врага, завоевал его доверие и стал его ближайшим советником. По ночам он сидел с Кайсаром у костра и громко рассказывал назидательные истории так, чтобы пленный царь все слышал. В первую ночь визирь поведал историю о юноше по имени Айн Ахлих и «госпоже Огня». Этот юноша был влюблен в «госпожу Огня», но она была замужем. Охваченный страстью юноша был схвачен мужем и привязан к столбу в его доме. Приставленная сторожить пленника (влюбленного юношу) старуха-ведьма рассказала ему басню о коне и диком кабане: конь, убежавший от хозяина ради вольной жизни, не смог прокормиться в степи, мучился от узды и седла, а встреченный кабан обличил его, доказав, что подлинная свобода коня — в служении человеку и принятии своей природы. На следующую ночь визирь продолжил: старуха-ведьма поведала Айн Ахлиху (влюбленному юноше) историю о купце, его сыне, газели и олененке. У богатого купца есть маленький сын, которому дарят ручную газель, а затем олененка. Олененок рассказывает газели о вольных просторах пустыни, и они вместе убегают. Газель проваливается в яму, олененок попадает в силки. Купец, будучи в отчаянии от пропажи любимцев сына, снаряжает поиски, выкупает олененка у охотника и, следуя за плачем газели, находит ее в яме. Он возвращает обоих зверей сыну. Спасенные животные мирятся, осознав цену доверия и послушания. Кроме того, старуха открыла юноше собственную трагедию: некогда она была знатной женой всадника, но царь убил ее мужа и сыновей, а саму ее продал в рабство; несмотря на увечья и унижения, она сохранила стойкость и теперь утешает других. Все эти иносказательные сюжеты помогли Шапуру осознать свое безрассудство, недоверие к советнику и научили терпению. Параллельно визирь готовил побег. По прошествии нескольких дней он подсыпал в пищу стражи и Кайсара снотворное, а когда весь лагерь уснул, раскрыл «коровью тюрьму», снял с царя цепи и вместе с ним бежал к персидскому войску [Ибн Зафар, 1959, с. 29–44].

В ряду этих вставных басен особое место занимает басня «Конь и дикий кабан», которая построена на конфликте между стремлением к свободе и видовой неприспособленностью. Критика коня со стороны кабана служит иллюстрацией тезиса о важности самоограничения и принятия собственной природы [Bellino, 2015, p. 114].

Сабр (терпение): многогранная добродетель в управлении кризисами

В свою очередь, третья глава трактата посвящена аль-сабру — терпению, которое Ибн Зафар определяет как «плод стойкости», а также как «устойчивость, сдержанность и упорство». Важно подчеркнуть, что в понимании мыслителя это не пассивная выдержка, а скорее активное состояние, которое подразумевает удержание твердой позиции, обуздание импульсивных реакций и решительное следование выбранному курсу. При этом особое внимание автор уделяет феномену царского терпения, выступающего важнейшим стратегическим ресурсом для правителей [Ибн Зафар, 1959, с. 45–47].

В рамках данного концепта Ибн Зафар выделяет три ключевые силы царского терпения.

Во-первых, это сила Снисходительности. Ее плод — прощение [Sekkakou, Maaziz, Sekkakou, 2025, р. 7]. Проявляется в прощении и помиловании. Это не слабость, а расчетливое сдерживание, стратегический инструмент примирения и поддержания социальной сплоченности.

Во-вторых, это сила Усердия и Бдительности. Ее плод — основание царства [Sekkakou, Maaziz, Sekkakou, 2025, р. 7]. Ведет к благоразумному управлению. Это постоянный надзор, тщательное планирование и внимание к делам государства, проактивное терпение, обеспечивающее долгосрочную безопасность.

В-третьих, это сила Мужества. Ее плод для царей — стойкость [Sekkakou, Maaziz, Sekkakou, 2025, р. 7]. Истинное царское мужество — это не безрассудство, а хладнокровие и непоколебимая позиция перед лицом трудностей, вдохновляющая на верность и доверие.

Назидательные повествования иллюстрируют терпение в действии. Непоколебимость Хосрова Ануширвана перед атакующим слоном и неустрашимая решимость Мусы аль-Хади, который, будучи брошенным своей свитой, сам убил нападавшего хариджита, показывают личную стойкость и способность к решительным действиям под давлением. Ибн Зафар начинает главу с коранического аята: «Терпи же, ведь твое терпение — только с Аллахом, и не печалься за них и не будь в стеснении от того, что они ухищряются» [Коран, 16:128], который, по его толкованию, относится к заговорам против Пророка. Тем самым проводится параллель с трудностями, с которыми сталкивается правитель [Ибн Зафар, 1959, с. 75].

Самое длинное повествование — о стратегическом конфликте между Хосровом Ануширваном и индийским царем Рукном. Хосров, основываясь на ошибочной информации разведки, пытается манипулировать индийским населением, а затем посылает против него войско во главе с военачальником-марзбаном. Рукн, столкнувшись с внутренними волнениями, созывает совет. Дебаты визирей и главы Мазамиза (верховного зороастрийского жреца) раскрывают различные подходы к разрешению кризисов. Трое визирей

поочередно предлагают свои меры — задабривание народа, наказание смутьянов, тайное расследование заговора. Глава Мазамиза критикует стратегии умиротворения, карательных мер и публичных расследований, подчеркивая, что мудрость диктует разные реакции в зависимости от первопричины проблемы. Тогда слово берет четвертый визирь и рассказывает притчу: богатому купцу досаждают крысы, которые гнездятся между потолком и подшивкой его дома. Когда купец в гневе велит разрушить гнездо и перебить крыс, лишь немногие спасаются. Выжившие крыса и мышь уходят в пустыню и селятся у подножия холма, не послушав предостережений живущего наверху мудрого тушканчика: тот советует им не строиться в низине, ибо в долине случаются паводки. Вскоре ливень и селевой поток разрушают их нору, унося все потомство, а уцелевшая крыса с опозданием признает правоту тушканчика. Вторая притча того же визиря — о йеменском мудреце и царе: мудрец советовал царю построить неприступную крепость, чтобы укрыться от врагов. Царь долго медлил, но, вняв совету, построил твердыню и тем спас царство. Эти истории учат дальновидности, необходимости экспертного совета и решительным действиям в нужный момент. Рукн, восприняв мудрость, обосновывается в укрепленной цитадели, демонстрируя стратегическое терпение и готовность к обороне. Благодаря этому он выдерживает осаду: военачальник Хосрова, восстановив против себя местное население жестокостью и грабежами, в конце концов терпит поражение из-за своей жестокости, а Рукн возвращает свое царство благодаря терпеливому и справедливому правлению [Ибн Зафар, 1959, с. 50–68].

Эта история перекликается с эпизодом об Османе (третьем праведном халифе), который во время осады своего дома в Медине говорит: «Я склонился перед ними — и они оседлали меня. Я был мягок с ними — и они отняли у меня власть» [Ибн Зафар, 1959, с. 60]. Тем самым указывается, что чрезмерное терпение было истолковано как слабость.

Дополнительные размышления о терпении в управлении кризисами включает философский запрос Дарджаба ибн Бахрама, который связывает терпение с подготовленностью и серьезным подходом к управлению [Ибн Зафар, 1959, с. 68–70].

Таким образом, сабр для Ибн Зафара — это стратегический императив, обеспечивающий долгосрочное видение, устойчивость и разумное осуществление власти.

Ар-рида (довольство): внутренний покой как основа справедливого правления

Четвертая глава посвящена ар-рида, или довольству, которое Ибн Зафар определяет как более глубокое состояние принятия и удовлетворения, чем просто терпение. Довольство проявляется после того, как события произошли,

особенно те, которые не зависят от воли человека. Это состояние души, согласно Ибн Зафару, является признаком мудрости и глубокого понимания жизни.

Философские идеи о довольстве для правителя раскрываются в диалоге между царем Йездгердом и философом. Философ выделяет причины смут (несправедливость, злословие, скупость богатых, жадность бедных) и предлагает меры для их успокоения, включая «вооружение терпением и довольством предопределенным». Он подчеркивает, что «исправление царя — это кротость перед высокомерием, взятие прав без насилия, любовь к справедливости, обеспечение безопасности путей, защита угнетенных» [Ибн Зафар, 1959, с. 65]. Это устанавливает прямую связь между личной добродетелью довольства и справедливым управлением.

Дидактическая роль притч в этой главе особенно значима. История воспитания принца Бахрама, сына царя-тирана Йездгерда, показывает, как добродетель довольства формируется через обучение и испытания. Джалис, наставник Бахрама, советует ему проявлять внешнее довольство, даже если внутренне он недоволен, объясняя, что истинная мудрость правителя — в способности видеть за пределами внешнего [Ибн Зафар, 1959, с. 71–73].

Ибн Зафар использует в этой главе ряд басен, героями которых нередко являются животные, в том числе «Медведь и обезьяны», «Монах и вор», «Мельник, его жена и клад», а также «Птица и дочь царя». В басне о медведе и обезьянах медведь притворяется мертвым, чтобы поймать обезьян для сбора фруктов. Одна мудрая обезьяна предлагает сжечь его, цитируя поговорки о наиболее справедливом решении — дистанцировании. В рамках этой истории рассказывается басня «Монах и вор», где монах ловит вора, используя хитрую ловушку (яму с вращающейся крышкой), что приводит к распятию вора. Однако глупая обезьяна, не слышавшая мудрого совета, подходит к медведю, попадает в ловушку и становится его слугой. Затем обезьяна, чтобы освободиться, симулирует слабое зрение и предлагает медведю обратиться к мудрой обезьяне [Jarouche, Criado, 2021, p. 204–209]. Медведь приводит своего слугу к мудрой обезьяне, и здесь одна басня вплетается в другую. Мудрая обезьяна рассказывает медведю басню «Принцесса и птица в неволе». В ней греческая принцесса, страдающая меланхолией, выздоравливает, наблюдая и слушая пение прекрасной птицы. Царь ловит птицу и сажает ее в клетку. Птица перестает петь и есть, теряет красоту, а принцесса снова заболевает. Доктор советует выпустить птицу в окруженный сетями сад. Птица выздоравливает, и принцесса тоже. Мораль, которую мудрая обезьяна внушает медведю, такова: его раб, как и птица, страдает от неестественных условий неволи, и чтобы «вылечить» его зрение и вернуть работоспособность, нужно дать ему больше свободы. Затем мудрая обезьяна советует медведю продлевать их прогулки по лесу для сбора фруктов до поздней ночи. Медведь соглашается, и обезьяна начинает собирать больше фруктов, чем обычно. Однако медведь, лишь делая вид, что поверил, остается подозрительным. Однажды ночью медведь

притворяется спящим, чтобы проверить не попытается ли обезьяна сбежать. Когда та действительно срывается с места, медведь убивает ее за попытку сбежать [Jarouche, Criado, 2021, p. 210–212].

Следующая басня «Мельник, его жена и злой сосед» иллюстрирует последствия наивности, жадности и чрезмерного контроля. Мельнику снится сон, в котором ему указывают место, где спрятан клад. В увиденном во сне месте он находит сокровище в реальной жизни, но совершает ошибку, рассказав об этом жене, которая делится секретом с любовником-соседом. Пара откапывает клад, но сосед, опасаясь, что женщина его предаст, и желая завладеть всем богатством, убивает жену. Мельник, вернувшись, пытается заставить своего осла работать, но тот упирается, потому что наткнулся на труп. В гневе мельник убивает осла, затем находит тело жены и, осознав всю цепочку трагических событий, убивает себя. Эти истории учат правителя быть осмотрительным, использовать интеллект для защиты государства и понимать, что истинное благополучие зависит от свободы и естественности, а не от насильственного удержания [Jarouche, Criado, 2021, p. 209].

Апофеозом мудрости у Ибн Зафара становится восхождение Бахрама на престол. Чтобы взойти на трон, он проходит испытание, в ходе которого убивает двух львов, охранявших корону, и забирает ее. После этого он сменяет погибшего отца-тирана и являет образец справедливого правления [Ибн Зафар, 1959, с. 84]. Тем самым автор подтверждает, что довольство в сочетании с терпением, мудростью и справедливостью образует фундамент устойчивого государства.

Зухд (аскетизм):

отрешение от мирского как защита от тирании

Пятое утешение — это аскетизм (зухд), который Ибн Зафар интерпретирует не как отказ от мира, а как «отказ от излишеств, высокомерия и тирании» [Ибн Зафар, 1959, с. 87]. Это внутреннее отрешение от мирских соблазнов, глубокое понимание бренности земного и сосредоточение на истинных ценностях и ответственности [Bellino, 2025, p. 73]. Для правителей это означает отречение от царства и обращение к поклонению и благочестию, укрепляющее решимость и самообладание [Sekkakou, Maaziz, Sekkakou, 2025, p. 7].

Философское обоснование аскетизма правителя начинается с предания о царе, который, осознав огромную ответственность власти, оставил свое царство и жил как простой труженик. Это подчеркивает, что истинная ценность человека не определяется его положением, а внутренняя свобода обретается через отказ от привязанности к мирским благам. Слова Сулеймана ибн Абд аль-Малика о мимолетности мирского величия, а также стихи Ибн Зафара о бренности земного существования, призывают правителя к дальновидности и осознанию того, что его правление — лишь временный этап [Ибн Зафар, 1959, с. 85–87].

Ибн Зафар развивает тему брэнности власти через ряд нарративов: падение принцессы Хурки, добровольный уход халифа Муавии и обращение Нумана к аскезе под впечатлением от созерцания могил [Ибн Зафар, 1959, с. 88–92]. Подкрепленные поэзией о разрушенных империях, эти истории утверждают аскетизм как источник подлинной мудрости и душевного покоя.

Аскетизм служит также защитой от произвола и коррупции. Пример греческого царя и его визиря-христианина демонстрирует, что вера в высшую силу и ответственность перед ней способны удержать правителя от деспотизма. Визирь, желая наставить царя, прибегает к аллегории сломанного лука. Изначально он объясняет, что постоянно натянутый лук теряет упругость и ломается, намекая на то, что и человеческая душа нуждается в отдыхе от напряжения. Однако затем визирь переходит на более глубокий, метафизический уровень, используя лук как отправную точку для духовного урока. Визирь приводит царя к осознанию существования высшего Творца, что побуждает царя к отречению от мирской власти и принятию аскетического образа жизни [Ибн Зафар, 1959, с. 95–96].

Наиболее глубокое понимание аскетизма Ибн Зафар раскрывает через историю Ардашира и его сына Бабака. Аскетизм Ардашира заключался в постоянной внутренней борьбе с пороками. Наставляя сына, Ардашир использует аллессию дикого слона и его дрессировщика. В этой аллессии дикий слон символизирует саму власть (государство, армию, казну) с ее огромной созидательной и разрушительной мощью, а дрессировщик — это правитель. Задача правителя заключается не в том, чтобы считать себя хозяином этой силы, а в том, чтобы быть ее умелым и осторожным «дрессировщиком», используя атрибуты власти как инструменты для служения народу, а не символы личного превосходства. Как только правитель возомнит себя выше своего долга, неуправляемая мощь власти уничтожит его самого [Ибн Зафар, 1959, с. 97–98].

Тему отношений между правителем и подданными как временного попечительства, требующего самоотверженного служения, продолжает история пастуха и отшельника. В ней отшельник, изначально бескорыстно помогавший пастуху, постепенно поддается искушению мирскими благами. Принимая от пастуха дары в знак благодарности, он начинает их накапливать, и его мысли всецело занимают заботы об имуществе, вытесняя духовные практики. Ошибки отшельника заключались в привязанности к мирскому, утрате своей основной цели — служения Богу — и, как следствие, в алчности и гневе, когда дары пастуха уменьшились. Отшельник, осознав глубину своего падения, раскаивается и произносит слова о брэнности мира: «Мир — это мост, по которому проходят, но не живут», — призывая к внутренней чистоте и борьбе с пороками [Ибн Зафар, 1959, с. 99–102].

В этой главе также встречается басня «Два слона», где образованный слон и дикий слон обсуждают свои различные подходы к условиям подчинения человеку. Образованный слон, хоть и обучен, осознает важность свободы,

и это послание противоположно уроку о коне, который не был готов к дикой жизни. Басня завершается тем, что настоящая свобода от рабского подчинения человеку достигается осознанием того, что «если смысл рабства состоит в служении другим и в нужде в них, то рабами являются и царь, и возлюбленный, и тот, кто получил выгоду; ибо все трое находятся в плену, как внешне, так и внутренне» [Bellino, 2015, p. 115].

Философские импликации аскетизма для правителей включают осознание бренности и ответственности, внутреннее отрешение от мирских соблазнов, борьбу с внутренними пороками, служение как основу правления, справедливость и умеренность, а также дальновидность и стратегическое мышление.

Заключение

Ибн Зафар ставит своей целью создание системы принципов для решения вопросов, связанных с деятельностью правителя. Эти принципы призваны помочь правителю быть справедливым и мудрым. Первый принцип учит его признавать ограниченность своего познания и принимать тот факт, что невозможно контролировать все. Второй принцип, называемый утешением через уподобление, призывает правителя трезво оценивать свои шансы на успех в тех или иных ситуациях. Третий принцип — терпение — является ресурсом правителя: он учит решительному следованию своему выбору. Четвертый принцип — утешение через довольство — вытекает из синтеза двух принципов: вверения дел Богу и терпения. То есть правитель должен довольствоваться тем, что имеет, и принимать свое положение. С одной стороны, он сделал свой выбор и должен ему следовать, тем самым проявляя терпение. С другой стороны, он должен верить свое дело Богу, тем самым придерживаясь первого принципа и признавая ограниченность своего познания. И, наконец, пятый принцип — аскетизма — учит правителя не быть высокомерным и тираном, а требует укреплять самообладание.

Можно с уверенностью сказать, что Ибн Зафар выстраивает целостную модель лидерства. Эта модель представляет собой здание из взаимосвязанных элементов (мусульманских догм и персидской мудрости). В качестве фундамента этого здания выступают пять принципов (добродетелей). Таким образом, «Сулван аль-мута‘ фи ‘удван аль-атба‘» сохраняет свою актуальность как источник универсальных принципов мудрого и добродетельного управления.

Список источников

1. Bellino F. *Ibn Zafar. Perle preziose: saggi biografici sul mondo islamico offerti a Claudio Lo Jacono per il suo ottantesimo compleanno / a cura di D. Amaldi, M. Bernardini, R. Tottoli.* Roma: Istituto per l’Oriente C. A. Nallino, 2025. P. 63–80.

2. Sekkakou M., Maaziz A., Sekkakou H. The political thought of Ibn Zafar al-Siqilli (d. 565 AH / 1169 CE) through his book “Sulwān al-Muṭā‘ fī ‘Udwān al-Atbā’” // *South Florida Journal of Development*. 2025. Vol. 6. № 5. P. 1–9. <https://doi.org/10.46932/sfjdv6n5-065>

3. Ibn Khallikan. *Biographical dictionary* / transl. from the Arabic by B. Mac Guckin de Slane. Paris: Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1871. Vol. IV. 699 p.

4. Коран / пер. с араб. И. Ю. Крачковского. М.: Раритет, 1990. 528 с.

5. أبو عبد الله محمد بن أبي محمد بن ظفر الصقلي. سلوان المطاع في عدوان الأتباع. تونس: الدار

التونسية للنشر، 1959 (1379 هـ). 102 ص. =

= Абу Абдулла Мухаммад ибн Аби Мухаммад ибн Зафар ас-Сикилли. Салван аль-Мута фи «Удван аль-Атба». Тунис: Тунисское издательство, 1959 (1379 г. хиджры). 102 с.

6. Alkolaly M. M., Bara A., Zeid F. The concept of “history” in comparative literary studies // *Pakistan Journal of Life and Social Sciences*. 2024. Vol. 22. № 2. P. 12210–12225.

7. Яхья ибн Шараф ан-Навави, имам. Сады праведных (краткое изложение). Махачкала: Даруль-Фикр, 2022. 312 с.

8. Bellino F. Animal fables in the Sulwān al-Muṭā‘ by Ibn Zafar al-Şiqillī // *Quaderni di Studi Arabi*. 2015. № 10. P. 103–122.

9. Jarouche M. M., Criado P. M. Fábulas do “Consolo dos Poderosos” // *Revista de Estudos Orientais*. Universidade de São Paulo. 2021. № 9. P. 202–212. <https://doi.org/10.11606/issn.2763-650X.i9p202-212>

References

1. Bellino, F. (2025). Ibn Zafar. In *Perle preziose: saggi biografici sul mondo islamico offerti a Claudio Lo Jacono per il suo ottantesimo compleanno* (di D. Amaldi, M. Bernardini, & R. Tottoli, Ed.; pp. 63–80). Istituto per l’Oriente C. A. Nallino.

2. Sekkakou, M., Maaziz, A., & Sekkakou, H. (2025). The political thought of Ibn Zafar al-Siqilli (d. 565 AH / 1169 CE) through his book “Sulwān al-Muṭā‘ fī ‘Udwān al-Atbā’”. *South Florida Journal of Development*, 6, (5), 1–9. <https://doi.org/10.46932/sfjdv6n5-065>

3. Ibn Khallikan (1871). *Biographical dictionary* (B. Mac Guckin de Slane, Trans.; vol. IV). Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland.

4. Krachkovsky, I. Yu., Trans. (1990). *Qur'an*. Raritet. (In Russian).

5. Abu Abdullah Muhammad ibn Abi Muhammad ibn Zafar al-Siqilli (1959 CE ((1379 AH)). *Salwan al-Muta 'fi 'Udwan al-Atba'*. Tunisian Publishing House. (In Arabic).

6. Alkolaly M. M., Bara A., & Zeid F. (2024). The concept of “history” in comparative literary studies. *Pakistan Journal of Life and Social Sciences*, 22, (2), 12210–12225.

7. Yahya ibn Sharaf an-Nawawi, imam (2022). *Gardens of the Righteous (summary)*. Darul-Fikr. (In Russian).

8. Bellino, F. (2015). Animal fables in the Sulwān al-Muṭā‘ by Ibn Zafar al-Şiqillī. *Quaderni di Studi Arabi*, (10), 103–122.

9. Jarouche, M. M., & Criado, P. M. (2021). Fábulas do “Consolo dos Poderosos”. *Revista de Estudos Orientais*. Universidade de São Paulo, (9), 202–212. <https://doi.org/10.11606/issn.2763-650X.i9p202-212>

Информация об авторе / Information about the author:

Азизджон Набиджонович Акрамов — аспирант кафедры философии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

Azizdzhon N. Akramov — Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, Moscow, Russia.

geology.99.msu@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-2807-5364>